



РАЗМЫШЛЕНИЯ ЗАПАДНИКОВ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ КУЛЬТУР И ИХ ОЦЕНКА Н. И. КАРЕЕВЫМ

УДК 1 (091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-12-18>

Н. А. Соболева

Тверской государственный технический университет,
Тверь, Российская Федерация,
e-mail: n-a-soboleva@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблематика взаимовлияния культур в историософии западничества и ее оценка Н. И. Кареевым – теоретиком всеобщей истории, представителем позитивистской философии истории. Показано, что рефлексия западников, как и славянофилов, по вопросу о взаимовлиянии культур осуществлялась в двух направлениях: «Россия – Европа» и «Восток – Запад». Динамика культурного диалога рассмотрена сквозь призму взглядов П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена и Т. Н. Грановского. Выявлено, что в интеллектуальной линии «Россия – Европа» мыслители испытали схожие переживания: знакомство и восхищение, далее разочарование и критика, наконец, осознание достоинств России и привлекательности диалога культур. В линии рассуждений «Восток – Запад» вскрыта динамика: П. Я. Чаадаев не конкретизировал понятия «Восток» и «Запад», А. И. Герцен очертил их географические и ментальные различия, а Т. Н. Грановский соединил все культуры в контексте понятия всеобщей истории. Сделан вывод о том, что Н. И. Кареев извлек из наследия западников и славянофилов поливариантные суждения и применил их для собственной конструкции философии истории.

Ключевые слова: культура, история, русская философия, взаимовлияние культур, западники и славянофилы.

Для цитирования: Соболева Н. А. Размышления западников о взаимовлиянии культур и их оценка Н. И. Кареевым // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №4 (114). С. 12–18. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-12-18>

REFLECTIONS OF WESTERNERNIZERS ON CULTURAL INTERACTIONS AND THEIR EVALUATION BY N. I. KAREEV

Nadezhda A. Soboleva

Tver state technical university,
Tver, Russian Federation,
e-mail: n-a-soboleva@mail.ru

СОБОЛЕВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА – старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет

SOBOLEVA NADEZHDA ALEXANDROVNA – Senior Lecturer at the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University

© Соболева Н. А., 2023



Abstract: The article deals with the problems of mutual influence of cultures in the historiography of Westernism and its assessment by N. I. Kareev, a theorist of world history, a representative of the positivist philosophy of history. It is shown that the reflection of Westerners, as well as Slavophiles, on the issue of mutual influence of cultures was carried out in two directions – “Russia – Europe” and “East – West”. The dynamics of cultural dialogue is considered through the prism of the views of P. Ya. Chaadaev, A. I. Herzen and T. N. Granovsky. It was revealed that in the intellectual line “Russia – Europe” thinkers experienced similar experiences: acquaintance and admiration, then disappointment and criticism, finally, awareness of the merits of Russia and the attractiveness of the dialogue of cultures. In the line of reasoning “East – West” dynamics is revealed: P. Ya. Chaadaev did not specify the concepts of “East” and “West”, A. I. Herzen outlined their geographical and mental differences, and T. N. Granovsky connected all cultures in the context of the concept of universal history. It is concluded that N. I. Kareev extracted polyvariant judgments from the legacy of the Westerners and Slavophiles and applied them to his own construction of the philosophy of history.

Keywords: culture, history, Russian philosophy, mutual influence of cultures, Westernizers and Slavophiles.

For citation: Soboleva N. A. Reflections of westernizers on cultural interactions and their evaluation by N. I. Kareev. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 4 (114), pp. 12–18. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-12-18>

Дискуссии о взаимовлиянии культур, различных по форме и по смысловым традициям, не утихают в исследовательской среде вот уже два века. В последние десятилетия разговор специалистов по этой проблеме усилился. Он стал более плотным и многовекторным, во многом благодаря усиливающейся практике мировых миграционных потоков [4], [9]. По своей динамике современную миграцию можно смело сравнить с Великим переселением народов в IV–VII веках. Однако по содержанию, в отличие от тех далеких событий, миграция рубежа XX–XI веков представляет собой не просто смену локации или соседей, а глобальное «перекрестное изменение форм жизни субъекта миграции и жителя принимающей страны» [1, с. 77]. В этой связи диалог культур актуально воспринимать как средство потенциальной гармонизации жизни народов.

Воззрения славянофилов и западников 30–40-х годов XIX столетия с большой долей очевидности рассматриваются как почва, на которой возник разговор о взаимовлиянии культур. В гуманитаристике закрепился ряд суждений, важных в русле заявленной в статье темы. Все специалисты солидаризируются в том, что и славянофилы, и западники решали вопрос, что такое Россия и каковы ее перспективы. Однако каждый обращает

внимание на разные аспекты дихотомии взглядов славянофилов и западников. Так, М. М. Шибаева акцентирует внимание на том факте, что западники в своих поисках путей развития России ориентировались, в первую очередь, на социальные ценности, а славянофилы – на нравственные. Автор утверждает, что для традиций народной культуры важна «самоценность духоподъемного созерцания природных явлений» [12, с. 123–124]. А. Е. Рыбас усматривает разграничительную дорожку, согласно которой славянофилы отыскивали идеальную Русь в прошлом, в допетровских временах, а западники, наоборот, идеализировали просвещенную Европу и видели будущее России в ее контексте [10, с. 137]. Е. В. Мареева на примере историософских взглядов П. Я. Чаадаева доказывает, что у славянофилов понимание индивидуального было ментально погружено в единую для всех народную почву, а у западников оно, чаще всего, гармонизировалось с общественным [8, с. 169]. М. А. Широкова усматривает парадокс в том, что славянофилы, считающие себя хранителями традиций, оказались творческими в поисках собственных умозрительных идеалов, тогда как западники, ратующие за прогресс и новации, пошли по проторенному западной культурой пути [13, с. 96].

Цель статьи – очертить вопрос о взаимовлиянии культур в историософии западников с точки зрения Николая Ивановича Кареева (1850–1931), теоретика всеобщей истории, представителя позитивистской философии истории, профессора Санкт-Петербургского университета. Важность этой оценки заключается в том, что Кареев обладал дискурсивной способностью извлекать из наследия прошлого или из текстов современников поливариантные суждения и применять их для собственной конструкции философии истории.

В полемике славянофилов и западников вопрос о взаимовлиянии культур обрел, как известно, два интеллектуальных направления: «Россия – Европа» и «Восток – Запад». Для текстовой наглядности выбраны воззрения П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена и Т. Н. Грановского. Все они «питались» университетским духом и салонной культурой Москвы 30–40-х годов. Все они в разном качестве и в разное время были погружены в европейскую жизнь, поэтому могли размышлять о взаимовлиянии культур напрямую, а не только через книги или свидетельства.

Начиная с Карамзина, публично отразившего свои впечатления о Европе в «Письмах путешественника» [6], западники ценили ее интеллектуальную мысль и общественное устройство. Одних привлекали идеи просвещения и масонства, других интересовала наука, поэтому они посещали лекции знаменитых профессоров, третьих удивляла распушенность нравов европейцев. В любом случае, по наблюдениям В. В. Зеньковского, в споре со славянофилами западники возмужали до постановки вопроса об отношении к Европе уже по существу, а не только эмоционально (как, например, у Фонвизина: от светлых представлений – к недоумению и разочарованию) [5, с. 16–18]. Историко-культурный скептицизм, проявляющийся в рассуждениях представителей обоих течений историософской мысли, позволил преодолеть прежнюю наивную зачарованность формами западной культуры и поставить вопрос о самоценно-

сти каждой культуры, взаимодействующей с другими.

Первым, кому удалось с пользой дела, если так можно выразиться, проявить и позитивно трансформировать свой скептицизм, считается П. Я. Чаадаев (1794–1856). Исследователи выделяют несколько волн его меняющегося мировоззрения. Первая: как и другие дворяне, Чаадаев испытал всю меру увлечения западной культурой. Вторая: после участия в войне 1812 года его, как и других победителей Наполеона, накрыла гордость за политическую мощь России. Третья: на фоне привлекательности образа жизни европейцев [путешествовал с 1823 по 1826 год – Н. С.] Чаадаев стал испытывать, как выразился Зеньковский, «злую иронию» по поводу самодержавия и крепостного права в России. Четвертая: после сложных исканий пути России с точки зрения ее настоящего и прошедшего к Чаадаеву пришла надежда на то, что в будущем именно ей предстоит сыграть важнейшую роль как в мировой истории, так и в деле спасения всего человечества. Так, в письме А. И. Тургеневу в 1835 году он пишет, что спокойная и беспристрастная Россия, поставленная Провидением вне стремительного исторического движения, «получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки» [11, с. 368].

Углубляясь в истоки культурного взаимодействия, Чаадаев отводит Востоку роль первой цивилизации, а Западу – второй. «Мир искони делился на две части – Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие жизненный строй человеческого рода», – пишет Чаадаев [11, с. 148]. Столь длинная цитата показывает, что для Чаадаева каждая культура имеет две формы развития: природную и идейную. И та и другая начинаются исторически по-разному. «Первым выступил Восток и излил на землю потоки света из глубины своего уединенного созерцания...» [11, с. 148].



Со временем Запад овладел культурными традициями Востока и деятельно, т. е. через слово и разум, преобразовал их.

Говоря о Востоке и Западе, Чаадаев не прописывает эти понятия. Обратную картину видим в сочинениях Александра Ивановича Герцена (1812–1870). Запад для него – это страны Европы (Германия, Австрия, Франция, Италия, Англия, Испания), а также Соединённые Штаты Америки. Восточный тип государства, по Герцену, олицетворяют Россия и весь славянский мир.

У эмигрировавшего Герцена взгляд на диалог культур приобрел две оптики зрения: «изнутри», из России, и «снаружи», из Европы. Сначала, как и когда-то Карамзин, он испытал схожие восторженные впечатления от Европы. Приведем две созвучных по тональности цитаты о встрече с Парижем. Первая принадлежит Карамзину: «Вот он, город, который в течение многих веков был образцом всей Европы, ... которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем...» [6, с. 238]. Вторая взята из воспоминаний Герцена: «В Париж – едва ли в этом слове звучало для меня меньше, чем в слове “Москва”. Об этой минуте я мечтал с детства» [2, Т. 1, с. 540]. Со временем, рефлексировав в пластах повседневной жизни европейцев, Герцен снял розовые очки, увидев в ней и очевидные недостатки, и парадоксы.

С грустью называя себя «посторонним человеком», Герцен пишет: «А ведь я не посторонним пришел в Европу. Посторонним я сделался» [2, Т. 2, с. 42]. Рефлексирующему Герцену, имеющему опыт жизни и в России, и в Европе, удалось конкретизировать облик европейца. В 1842 году в московском кругу он рассуждал о западном человеке как об одностороннем в силу своей специализации и противопоставлял ему многосторонность русского образованного человека: «Мы в жизни, с одной стороны, больше художники, с другой – гораздо проще западных людей: не имеем их специальности, но зато многостороннее их» [2, Т. 1, с. 411]. Позже, уже плотно погруженный в повседневную

среду европейцев, Герцен находит в каждом национальном характере свою особенность.

На страницах «Былое и думы» можно встретить ментальные «портреты» французов, англичан, немцев, итальянцев и, конечно, россиян. Сравнивая французов и англичан, Герцен говорит, что француз любит жить напоказ, хочет иметь слушателей, быстро отвечает на вопросы и любит всех поучать; дерзкий по натуре, он при этом хорошо организован в силу того, что в стране доминирует регламентированное обучение и общественное воспитание. Англичанин замкнут, смотрит на других как на партнера, от которого можно получить сведения, больше спрашивает и обдумывает, нежели отвечает и поучает, любит жить особняком, его главное кредо – личная независимость и родовые традиции [2, Т. 1, с. 555; Т. 2, с. 28]. Итальянец – художник по натуре, долго живущий в разрозненной стране, поэтому он ценит индивидуальность и бежит от всего казенного [2, Т. 1, с. 582]. Немец склонен к умственной работе и теоретически учен, но в столичных салонах и аристократических кругах он чувствует себя провинциалом [2, Т. 1, с. 592; Т. 2, с. 120].

По ощущениям Герцена, у образованного русского человека много общего с итальянцем: и тот, и другой рефлексировал самостоятельно, через книги и жизненный опыт общения. «Он и мы во многом уступаем специальной оконченности французов и теоретической учености немцев, но зато у нас и у итальянцев ярче цвета», – рассуждает Герцен [2, Т. 1, с. 582]. Более того, и негативные черты русского и итальянца видятся Герцену схожими: склонность к неге и праздности и восприятие работы как тягостного труда.

Историк-медиевист, профессор Московского университета Т. Н. Грановский (1813–1855) объединяет культуры Востока и Запада в единое целое. Как и Чаадаев, он поддерживает мысль о том, что Восток пришел первым на арену человеческой истории, но в силу обстоятельств уступил Западу исторический приоритет развития. Поэтому всеобщая история, по Грановскому, – это



детище западной цивилизации, а Восток – ее древняя отчизна [3, с. 432]. Историк говорит, что над изучением истории сегодня трудятся этнологи, антропологи, географы, экономисты и другие теоретики. Все они улавливают новую векторную тенденцию мирового развития: движение Запада на Восток. Главными причинами называются перенаселение и оскудение ресурсов на территории Европы [3, с. 443]. Это наводит Грановского на мысль о том, что в перспективе может идти речь уже о всемирной истории, когда взаимодействие Запада и Востока приобретет гармонизирующую силу уже на новой основе, не столько военной, сколько экономической.

На первый взгляд Грановский выглядит как сторонник европоцентрической модели развития человечества. Солидаризируясь с русским ученым-натуралистом К. Бером, он пишет, что «северный» Запад, двигаясь на «южный» Восток принесет за собой «трудолюбие, науки, искусства, промышленность и сознание необходимости благоустроенной государственной жизни» [3, с. 444]. Однако не все так однозначно. Апеллируя в качестве примеров к странам Южной Америки, или островам Тихого и Индийского океана, Грановский как ученый подчеркивает ценность их природной самодостаточности. В предполагаемом диалоге северных (западных) и южных (восточных) культур Европа выступит как «школа труда», а Восток – как умение наслаждаться жизнью.

Как Чаадаев и Герцен, Грановский видит в истории России некую особенность, которая неизменно позволит ей занять подобающее место во всеобщей истории. «Особенные условия, в которые Провидению угодно было поставить нашу родину, должны оказать могущественное содействие к осуществлению высказанной нами надежды» [3, с. 452]. Грановский искренне надеется, что умственный строй русского человека, не тронутый перипетиями исторического развития, способен «приступить без задних мыслей к разбору преданий, с которыми более или менее связано личное дело каждого европейца» [3, с. 453].

Особенно это суждение касается ученых. Обучаясь в Берлине и путешествуя по Европе, он приобрел немало соратников в научном сообществе. Дружба и сотрудничество с такими учеными, как немецкий философ К. Вердер, проповедник еврейской общины в Праге М. Сакс, словацкий и чешский славист П. Шафарик, итальянский географ А. Бальби и другими исследователями, позволила Грановскому не «одеваться в одежды чужого образования», а в ходе диалога «на равных» развивать науку [3, с. 598].

В качестве обобщения можно сформулировать несколько суждений в отношении того, как западники обсуждали вопрос культурного взаимовлияния. Общим для всех было изменение вектора восприятия европейской культуры сквозь призму России: знакомство, восхищение/заимствование, разочарование, понимание важности диалога культур, а не их отчуждения. В отличие от славянофилов, у которых после схожего разочарования утвердилась идея отчуждения русской культуры от западной и ожидание окончательной гибели Европы, к западникам пришло осознание значимости России и стремление жить сообща, взаимовлиять друг на друга. Вслед за Чаадаевым, в разных вариациях, все они считали, что недостатки России оборачиваются ее преимуществами и верили в будущее своей страны.

Взгляд западников на диалог России и Европы можно рассматривать как взгляд «изнутри» (жизнь в России) и «извне» (путешествия, эмиграция, учеба). Где бы ни находились мыслители, они думали в первую очередь о своем отечестве, поэтому вопрос о культурном взаимовлиянии рассматривался ими в контексте России. Об этом свидетельствует смена их переживаний: восхищение Европой – кратковременная гордость за Россию после 1812 года и последующее за этим разочарование ею – надежда на Россию. Такая триада олицетворяет рост самосознания образованного слоя русского общества и напряженное ощущение ответственности за судьбу своей страны.



Н. И. Кареева, как и П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, объединяет общая *alma mater*. Студент Московского университета, Кареев впитал дух привлекательности доказательного знания и приобрел навыки поливариантного мышления. В силу обстоятельств Кареев оказался достаточно плотно включенным в европейскую жизнь. Первая заграничная служебная поездка (1877–1878), профессорство в Варшавском университете (1879–1885), регулярные заграничные поездки для работы в библиотеках и музеях Европы (1889–1914) – таков общий перечень его погружения в западную культуру. Встречи за границей были для Кареева важным способом познать другие культуры и вместе искать возможность их примирительного диалога. Он соглашался с западниками и славянофилами, что Россия – уникальная страна. Но, в отличие от них, считал, что не только религиозные или политические, а изначально природно-географические условия направляли русскую историю и формировали ее культурные фор-

мы. Кроме того, в воззрениях Кареева, личность является субъектом истории и существенным мерилom ее культуры. По Карееву, Россия – это исторический посредник между Западом и Востоком со значительным потенциалом прогрессивного развития [7, с. 278–299].

В текстах Кареева видны «следы» того, как умело он использовал поливариантные суждения западников и славянофилов и применял их для собственного конструирования философии истории. В частности, если говорить о сторонниках западничества, то вслед за Чаадаевым Кареев обратился к предыстории культурного взаимодействия Востока и Запада. У Герцена русский позитивист воспринял идею формирования национального характера и высветил ее в многофакторном ключе. Солидаризируясь с Грановским в понимании всеобщей истории, Кареев разработал собственный вариант всемирно-исторического процесса, представленный в гуманистическом измерении как диалогическое взаимовлияние культур Запада и Востока.

Список литературы

1. Верпатова О. Ю. Миграция в глобализирующемся пространстве и социальное прогнозирование // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 2 (48). С. 77–86.
2. Герцен А. И. Былое и думы. В 2-х томах / сост., предисл. и коммент. И. Г. Птушкиной. Москва: СЛОВО/SLOVO, 2001. Т. 1. 912 с.; Т. 2. 552 с.
3. Грановский Т. Н. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А. А. Левандовский, Д. А. Цыганков. Москва: Российская политическая энциклопедия. 2010. 672 с.
4. Жукоцкая А. В. «Диалог культур» и «культура диалога» – о взаимных гарантиях и дефицитах // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: Материалы III Международной научно-практической конференции. Москва. 2022. С. 124–130.
5. Зеньковский В. В. История русской философии. Москва: Академический Проект, Раритет. 2001. 880 с.
6. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / вступ. ст. Г. П. Макогоненко; прим. М. В. Иванова. Москва: Правда. 1988. 544 с.
7. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 304 с.
8. Мареева Е. В. П. Чаадаев: социальный критик, философ, резонер? // Человек. 2017. № 1. С. 163–173.
9. Михайлова Е. Е. Диалогичность философии истории русского позитивизма и современность // Соловьевские исследования. 2017. № 2 (54). С. 151–159.
10. Рыбас А. Е. Истоки надежды в русской мысли // Вече. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское обществ. 2022. № 34. С. 127–144.



11. *Чаадаев П. Я.* Избранные сочинения и письма / сост. В. Ю. Проскурина. Москва: Правда, 1991. 560 с.
12. *Шибеева М. М.* Духовные искания славянофилов: эстетический аспект // Вече. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. 2022. № 34. С. 116–126.
13. *Широкова М. А.* Философия славянофилов как начало «религиозно-философского ренессанса» в России первой половины XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 96–100.

*

Поступила в редакцию 17.05.2023